

АЛАНИЯ БРАЙН

Итогдалие

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Алания Брайн

Итогдалие. Современная поэзия

«Издательские решения»

Брайн А.

Итогдалие. Современная поэзия / А. Брайн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933686-6

Сборник получил ироничное название «Итогдалие» (от «и так далее»), ибо является итогом поэтической деятельности автора за десять лет, и в то же время служит первым шагом в пространство литературы. У Вас есть уникальная возможность проделать путь от Владивостока, Санкт-Петербурга и Москвы до Парижа с взрослеющим поэтом. Если в ранних стихах прослеживается подростковая философичность, то стихотворения, написанные во Франции, отличаются большей свободой формы, музыкальностью и изысканностью.

ISBN 978-5-44-933686-6

© Брайн А.
© Издательские решения

Содержание

Внутренности	6
I	8
Федерико Гарсиа Лорке №2	8
тишина	9
Маяковский	10
гумбертовское	11
II	12
ты всю ночь прождала	12
пережидая на Арбате	13
даже красивые кожаные перчатки не согревают пальцев	14
конечно, Бог	15
между мной и тобой	16
III	17
Солярис (Тарковский)	17
осознанность	18
в моих ночных кошмарах	19
4'33"	20
диагноз	21
мы слишком волшебны, чтобы мириться с собственной реальностью	22
IV	23
моя тихая заводь	23
в этом доме выросли любимые дети	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Итогдалие Современная поэзия

Алания Брайн

© Алания Брайн, 2018

ISBN 978-5-4493-3686-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внутренности

I

Федерико Гарсиа Лорке №2
тишина
Маяковский
гумбертовское

II

ты всю ночь прождала
пережидая на Арбате
даже красивые кожаные перчатки
конечно, Бог
между мной и тобой

III

Солярис (Тарковский)
осознанность
в моих ночных кошмарах
4'33
диагноз
мы слишком волшебны

IV

моя тихая заводь
в этом доме выросли любимые дети
туманное
быть может
корабли
кавказское

V

Париж – это виолончель
что ты грустишь, мой маленький бог
она звенит колокольчиками
сигарета
Париж

VI

у меня характер Пикассо
гладильщица
Винсент

Модильяни

VII

предчувствие битвы
Александр
очередное
если ты воин
чем ближе к победе
Афина

VIII

пройдя последний, седьмой, круг ада
увидеть море
мой ангел с увесистым сердцем
пора бросать писательство

IX

небожитель
на стороне зла
мы родились на горе
небесное

X

Тристан
в эту пору рубиновых кленов
в долине нежности
Моцарт
у меня замирало дыхание

XI

дорогая моя светлая девочка
я встретилась с тобой задолго до
вокзал
танец
переживи стих

XII

смерть в Венеции
услышь как плещет вода в этом стихе
Корфу
лисы
скрипач
Макбет

I

Федерико Гарсиа Лорке №2

*Было пять часов пополудни.
Было точно пять часов пополудни.
Принес простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни.
И корзину с известью негашеной —
в пятом часу пополудни.
А над всем этим – смерть,
одна только смерть
в пятом часу пополудни.
Ф. Г. Лорка*

мне плохо – кружится голова,
контрастна температура кожи
твоим стихам.
теперь все делю пополам с тобой —
пополам,
как обреченный, на краешке
ледника.

я помню цвет этих глаз
перед натиском стывших дул —
уже было ясно все —
ты искал Её в каждом дне,
и, в свете твоих бесконечно песочных лун,
я псом андалузским так же плетусь за Ней.

и скрежет металла, и крик за моей спиной,
мир катится к чёрту, но я без тревог иду, —
нам Смерть умещается тонким пером в ладонь,
и память, как кудри, разносится на ветру.

ТИШИНА

*слушай, сын, тишину —
эту мертвую зыбь тишины,
где идут отголоски ко дну.
тишину,
где немеют сердца,
где не смеют
поднять лица.
Ф. Г. Лорка*

я учусь отступать в тень, разжимая неспешно пальцы,
подталкивая тебя к новому горизонту.
потому что любовь – это вальс. потому что здесь Франция,
потому что всю жизнь я борюсь за личностную свободу.

я становлюсь плохой. кому теперь можно верить?
мы – целое поколение, преданное отцом,
рыдающее на пепелище, надежду разносит ветер.
как я боюсь повернуться и посмотреть прямо тебе в лицо.

зачем мы сюда приходим, зачем мы такие дети?
зачем эти прозрачные доверчивые глаза?
нас порешают тихо, за городом, на рассвете,
когда к оврагу подтянется солнечная полоса.

Маяковский

*И в пролет не брошусь, и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною, кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
В. Маяковский. Лиличке*

дни идут
как горошины из стручка в детстве
ссыпались в оборки платья.
как деревянный колодец со скрипом натянутого ведра.
как непрошенные объятия
вернувшейся с молоком старухи.
как вытянутые от скрупулезной работы руки.
как вечная кинолента без монтажа.
как порез лезвием втрое сложенного ножа —
дни.
март еще не разменян, но обречен.
она одергивает плечо. —
четырнадцатого покончу счёты.
свобода сторбливается в крючок
того коридора, где вешал свое пальто,
где сердцем, не лёгким, постиг глоток,
и строки рубил, и вмещал меж строк
взведенный дважды (не у виска) курок.
Там. я узнаю, что Бог. Есть.
и что решения исконно равны нулю,
что смыслы все закольцованы в ЛЮБ – ЛЮБ – ЛЮ *

*отсылка к кольцу Маяковского с выгравированными на нём
инициалами Лили Юрьевны Брик

гумбертовское

у этой Лолиты
колени-бритвы,
губы в яркой помаде,
рыжие пряди,
спадающие на спину.
я её кину. однажды кину.

она привлекает как тень эбена
в дыму африканского пекла
она шикарна и обалденна, —
я сделаю с неё слепок
такой же бледный и воспалённый,
веснушчатый и оплошный, —
и этим гением озарённый
я её к чёрту брошу.

она спускает меня на дно,
ночами на части рубит,
но я влюблён в неё, — мне в вино
глядит обречённый Гумберт.

II

ТЫ ВСЮ НОЧЬ ПРОЖДАЛА

ты всю ночь прождала. не сомкнула глаз.
вот и я. выхожу из такси. светает.
ты сбегашь по лестнице, сонная. здрас —
твуй — в объятии резком тает.

я прощаю обиды. что их таить?
возвратилась к тебе, но совсем другая.
что по лестнице белым ногам сходить,
безучастно курить и грустить, пока я

подчиняю полотна с морской волной,
и грассирую где-то над Тихим в дали,
становлюсь гармонично самой собой —
миксом трепета, сна и стали.

наш роман был недолог и слишком резв,
о любви здесь и речи не шло — едва.
но, не веря слезам, ты сейчас и здесь
разрыдалась в объятьях моих, Москва.

пережидая на Арбате

Je repars à zero

*Edit Piaf**

пережидая на Арбате морось,
я от обид как кошка лапой моюсь,
мурлычу и смотрю, нахмутив брови,
как крапают в вино остатки боли.

пережидая на Арбате дождь
я выпускаю горечь из ладош
измученным надеждой голубком, —
и не жалею больше ни о ком.

и прошлое с закрытости террас
с меня не сводит полоумных глаз. —
как я, в его несовершенстве линий,
ступаю на Арбат. под ливень.

* (фр.) Я начинаю с нуля. Эдит Пиаф

даже красивые кожаные перчатки не согревают пальцев

даже красивые кожаные перчатки не согревают пальцев.
в холодном маршрутном такси нет возможности потеплеть.
мутных глаз сидящих напротив людей естественно испугаться,
и, отвернувшись, на снег в узорном стекле смотреть.

и вдруг отчетливо видеть здания. откуда они здесь выросли?
чья-то дома, – в празднично приглушенный предновогодний свет
плывут горстями к гостям в гостиные тени людей, нанизанных
на стержень быта, забот, игрушек; диванно простых бесед.

девица, воюя с микроволновкой, готовит, должно быть, рыбу,
мужчина с Ахматовским профилем пьет холостой коньяк,
мне жизнь захотелось прожить вдруг рядом с каждым из них.
губительно любопытство, – но все же, какой бы была я?

любила бы Бродского? Каннингема? Оскара Уайлда, Булгакова?
страдала б артритом? пьесы, картины писала так же?
жутко бывает в маршрутках, когда подсознание играет фактами
любой из прожитых жизней – что много теплее вашей.

конечно, Бог

в серебряных лучах крошился талый снег,
и ангельская музыка свисала
над влажностью полуприкрытых век
среди Дворцовой камерного зала.

прожекторы искали выход ввысь
на плотном сером небе Петербурга,
и я подумала, что все мы родились
от взмаха кисти злого драматурга.

что наша жизнь – аквариум с водой,
мы – рыбы, не бывавшие на суше,
а там вверху, над самой головой,
хмельной писатель правит наши души.

он нам сулил незаурядный рок, —
поэзия как ВВС – на фоне прозы*.
твоей рукой писал, конечно, Бог,
и по любимому лицу катились слезы.

*Разница между прозой и поэзией примерно такая же как между пехотой
и военно-воздушными силами.

Иосиф Бродский

МЕЖДУ МНОЙ И ТОБОЙ

небо, в цвет водосточной трубы,
обнимает меня долгожданно,
над моей головой – гербы,
на руке – едкий след чемодана.

я иду по рябинам в снегу
без колец, макияжа, эмоций, —
Петербург в уходящем году
братски выдержанно не бросок.

что мне это дворянство в крови
да промозглые чаяния ветров, —
между мной и тобою любви
уже тысячи три километров.

отчего ты всегда так грустишь?
будто некогда дерзкая цаца
променяла тебя на Париж,
не умея ни с кем оставаться.

III

Солярис (Тарковский)

Здравствуй, Крис, это я, твоя отравившаяся жена
можно прилягу здесь послушать шум океана?
Здравствуй, Крис, это я, твоя молодая мать
Чем ты изгваздал руки? позволь мне вымыть.
Крис, это я, твой отец, в доме сейчас льет дождь,
вроде бы все как прежде, только исчезла лошадь.

лошадь-то не запомнишь, не перешьешь – стоит смотрит
глазищами влажными страшными и живыми.
ни личного в них, ни лишнего, ни пустого.
весь мой Солярис, Крис, перенаполнен ими.

мы есть океан ошибок, воспоминаний, вер,
реальность не познается, зато создается нами. —
учись, Крис, с беспечной лошади брать пример
и мерять свою действительность лошадьми.

ОСОЗНАННОСТЬ

луч фонаря по полу —
немного выше.
пространство обернулось полным
и жизнью дышит.

здесь розовые стены —
не замечала.
цветок оконный стал вселенной.
начну сначала.

В МОИХ НОЧНЫХ КОШМАРАХ

в моих ночных кошмарах нет погони,
нет сказочных злодеев, змей с клыками,
нет ни окон в подтёках темной крови,
ни с террористами взрывающихся зданий.

лишь на воде метущиеся блики
да яркий свет терзающий мне снится.
и безмятежно. обреченно. тихо-тихо
в моих кошмарах умирают птицы.

4'33"

кофе и сигареты.
день кончается завтраком.
в стихотворениях за ночь сплошь опечатки.
в колонках джон кейдж
«четыре и тридцать три», —
сиди и слушай, что у тебя внутри.

ДИАГНОЗ

Э.Б.

ты обходила морги все и роддома,
пороги обивала жутких клиник,
и психиатр резюмировал – с ума
сошла, когда на вечность завела будильник.

нет ничего, что безболезненно пройдёт,
нет ничего, что без последствий обойдется, —
а на столе его мурлыкал тучный кот
и наблюдал как голубь в клетке бьётся.

всему свой срок. составим расписание, —
три четверти – на отдых или сон.
и ни на что вообще не обращать внимания!
кто равнодушен – тот вооружен.

прозак да ванны – вот и все проблемы,
таких как вы – шесть с лишним миллиардов, —
любые потуги прорваться сквозь систему
людей ведут в больничную палату.

– но как же страсть, огонь, талант и вера?
художники метались испокон!
– вы, дорогуша, берегли бы нервы,
великими становятся потом.

живите мирно, починяйте примус,
не выходите, точно Нил, из берегов,
бесславия не бойтесь, не молитесь, —
на свете нет и не было богов!

ну что вас этот Сириус встревожил?
большого заведите дома пса!
быть может, прекратите лезть из кожи
да ставить против ветра паруса?

вы не всесильны. вы других не лучше.
воображение – с возрастом пройдет!
а за спиной его в птиц превращались тучи
и заговорчески подмигивал мне кот.

МЫ СЛИШКОМ ВОЛШЕБНЫ, ЧТОБЫ МИРИТЬСЯ С СОБСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

мы слишком волшебны, чтобы мириться с собственной реальностью.

знай, мне нравится, как ты зажимаешь камертон одним пальцем.
зачем ты перекрасился в белый? до чего же смешные волосы.
спустя нашу бессмертность, в церковном хоре я узнала тебя по голосу.

видишь, я выбилась в дирижеры, а ты поёшь сложные партии соло.
мне бы только однажды обнять тебя, но ты уходишь со сцены в другую сторону.

я теперь не стану следовать за тобой, потому что стала мудрей и старше.

просто, когда будешь кланяться, знай, – мне нравится, как ты пахнешь.

ты уходишь в другую сторону – с улыбкой о нашей тайне на выпевшихся губах,

и всё, что останется между нами – твои Брамс, Мендельсон и Бах,
но, клянусь, этого более чем достаточно, чтобы дожидаться известной встречи, —

где я в первый раз беру тебя на руки или ты обнимаешь меня за плечи.

IV

МОЯ ТИХАЯ ЗАВОДЬ

моя тихая заводь, мой дом,
вид с балкона на ровное море,
невеликие улочки, двор,
в нежной сакуре погребённый.

непроворная кошка у ног,
разговоры а-как-там-в-столицах,
постаревшая бабушка в толк
не берёт, что ночами мне снится.

все предметы на прежних местах,
давит грудь ощущение детства.
лишь, погрязший в житейских делах,
этот дом мне поможет согреться.

В ЭТОМ ДОМЕ ВЫРАСТАЛИ ЛЮБИМЫЕ ДЕТИ

Светлане Максименко

в этом доме выросли любимые дети —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.